

Чжао Сюэхань не успел доворчать — ему в рот бесцеремонно впихнули нечто внушительное. Поперхнувшись, он закашлялся и поспешно вытащил это недоразумение изо рта. С пальцев посыпалась тонкая сладкая пудра.

Это оказался рассыпчатый пирог: два слоя хрустящего теста, густо обваленные в сахарной пудре, а между ними — кисленькое пюре из боярышника. Янь Кэ легонько похлопал его по плечу.

— Выбрось все из головы, — напутствовал он и повесил Чжао Сюэханю на запястье увесистый сверток со сладостями.

— Я и не думал ни о чем, — отозвался тот, прикусывая край пирога. Угощение таяло на языке, но оказалось на редкость сухим — Чжао Сюэхань едва не поперхнулся.

Янь Кэ окинул его красноречивым, полным сомнения взглядом и протянул невесть откуда взявшуюся чашку теплого чая.

Они неторопливо возвращались назад. Проходя мимо наспех сколоченных подмостков, путники заметили, что на сцене вновь разыгрывают драму о Демоническом владыке. Чжао Сюэхань невольно замер, замороженный зрелищем.

Лицедей в облачении Демонического владыки кружился в неистовом танце с мечом. И пусть сюжет ускользал от понимания, мастерство труппы впечатляло: и причудливый театральный грим, и выверенные, полные грации движения актера превосходили убогую игру балаганных паяцев из заштатного городишка.

Заметив, что спутник засмотрелся, Янь Кэ тоже остановился рядом.

— И зачем только до сих пор ставят эти пьесы про Демонического владыку? — слышался из-за спины тихий женский ропот.

Янь Кэ скользнул взглядом назад. Позади них стояли две женщины: постарше, прижимавшая к груди младенца, и совсем молодая девица. Вопросила, судя по всему, старшая.

— Да у этого актера осанка больно хороша, да и мечом он владеет отменно — любо-дорого смотреть, — возразила младшая. — Грех такую красоту из закров не доставать.

— Так играл бы кого другого, — понизив голос, проворчала ее спутница. — А то изо дня в день этот душегуб на сцене кочевряжится, аж мороз по коже.

— Да полно тебе. Нынче времена тихие, заклинатели с демонами не цапаются. Да и сам Демонический владыка, почитай, давно как канул в небытие...

— Канул в небытие? — Старшая испуганно отшатнулась. — Да ты разве ничего не знаешь? Мне только что старик Ван поведал...

Она придвинулась ближе и заговорщицки зашептала:

— Вчера в западном городке бесчинствовал один демонический практик. Воровал людские души, чтобы плавить из них пилюли души. Так этот Демонический владыка, дабы выгородить своего прихвостня, вырезал весь город до единого человека!

Янь Кэ едва заметно вздрогнул. Пальцы его напряглись.

— Пресветлые небеса! — ахнула молодая. — Неужто правда? Совсем этот демон озверел!

— Какое там «озверел», он отродясь человеком не был! — горестно вздохнула старшая. — Говорят, сегодня поутру туда забрели заезжие купцы — а в деревне мертвая тишина. Все жители лежат прямо в грязи, скорчившись, а из пустых глазниц кровь течет...

— Перестань, ради всего святого! Жутко-то как! — Девушка испуганно замахала руками и со страхом воззрилась на лицедея, скачущего по сцене. — Ужас какой... Нужно немедленно сказать старосте, пусть заставит актеров сменить пьесу. Одно поминание этого чудовища кровь в жилах леденит. Поскорее бы все забыли про него...

Лицо Янь Кэ с каждой секундой становилось все темнее. Он искоса взглянул на Чжао Сюэханя, который по-прежнему увлеченно следил за представлением. Едва заметным движением пальцев Янь Кэ призвал тонкий, стремительный поток ветра. Послушный воздушный барьер окутал уши юноши, заглушая праздную брань толпы и оставляя лишь чистые звуки, доносившиеся со сцены.

Когда они вернулись в поместье Линей, солнце уже миновало зенит. Едва слуга отворил ворота, как со двора донеслись яростные вопли. Чжао Сюэхань поднял глаза и застал презабавную сцену: взъерошенный Линь Цзюэ отчаянно пытался вырваться из цепких рук какой-то барышни.

Завидев вошедших, юноша завопил:

— Брат Чжао! Брат Янь! Спасайте, не то эта тигрица меня уколошит!

Дева, безжалостно выкручивая ему ухо, покраснелась от гнева, что ничуть не портило ее миловидного лица.

— И у кого только помощи просишь, негодник! — гремела она. — Вместо того чтобы прилежно закалять дух, ты только и делаешь, что отираешься дома! Бессмертные мастера снизошли до того, чтобы взять тебя в ученики, а ты топчешь их милость в грязи!

— Куда уж мне, простому смертному, — уязвленный Линь Цзюэ наконец изловчился и вырвался из ее капкана. — Разве я сравнюсь с тем небожителем, на которого положила глаз сестрица Линлин? Посулил тебе, глупой, дескать, «пройдем этот путь рука об руку до гробовой доски», а сам сверкнул пятками ради своего бессмертия и носа назад не кажет!

— Ах ты мерзавец! — Барышня задохнулась от возмущения, лицо ее вспыхнуло пунцовым пламенем. Она замахнулась, намереваясь вlepить наgleцу хорошую затрещину, но тот шустро увернулся. Сделав круг по двору, он укрылся за широкой спиной Янь Кэ.

Поняв, что до обидчика не дотянуться, девица в сердцах топнула ножкой, отчего полы ее желтого шелкового платья гневно зашуршали. К ней тотчас подскочила служанка и принялась ласково ворковать:

— Барышня, ну полно вам гневаться, молодой господин Линь уже вырос, он непременно уразумеет вашу заботу. Смените гнев на милость.

— Он? Уразумееет? — Девица ткнула пальцем в сторону укрытия Линь Цзюэ. — Да посмотри на этого оболтуса! Столько лет только и знает, что бить баклуши, ни на цунь не продвинулся в искусстве!

— Да какие «столько лет»! — огрызнулся тот из-за плеча Янь Кэ. — Всего-то без году неделя прошла!

— Помолчи лучше! — вскипела девица, вновь делая шаг вперед, но служанка крепко вцепилась в ее рукав.

— Барышня, умоляю, пощадите приличия, — взмолилась камеристка. — Здесь же посторонние.

Только тогда гостя соизволила заметить Чжао Сюэханя и Янь Кэ. Ее гневный пыл мигом угас. Она чинно выпрямилась, приняла из рук служанки изящный веер, сделала пару легких взмахов, успокаивая румянец, и плавно поклонилась, выказывая благородное воспитание.

— Прощу простить за эту недостойную сцену, — пропела она кротким голосом.

— Пустяки, пустяки! — Линь Цзюэ с ухмылкой высунулся из своего убежища, за что тут же удостоился испепеляющего взгляда. — Брат Чжао, брат Янь, позвольте представить вам эту грозную особу. Наша соседка, старшая барышня семьи Чжо — Чжо Фанлин. Мы с ней с пеленок вместе.

Чжао Сюэхань окинул девушку оценивающим взглядом. Личико сердечком, распахнутые выразительные глаза, тонкие черты — барышня Чжо была несомненной красавицей чуть старше двадцати лет.

— С пеленок, говоришь? — Чжао Сюэхань едва заметно нахмурился, переводя взгляд на Линь Цзюэ.

— Ну да, — Линь Цзюэ заговорщицки подмигнул. — Она постарше меня будет, вот и мнит себя наставницей, поучает почему зря.

— Много чести — тебя поучать! — фыркнула Чжо Фанлин, вздернув аккуратный носик, после чего вновь вежливо обратилась к гостям: — Уважаемые господа, этот лоботряс совершенно безнадёжен. Пожалуйста, приглядывайте за ним строже. Иначе он, — она одарила соседа презрительным взглядом, — так и проживет всю жизнь шутом гороховым, не зная ни забот, ни чести.

Линь Цзюэ проворчал вслед, что его век долог и торопиться ему некуда, но Чжо Фанлин даже не обернулась. Гордо вскинув подбородок, она в сопровождении служанки покинула поместье.

Проводив ее взглядом, Чжао Сюэхань некоторое время молчал, а затем лукаво усмехнулся:

— А ведь барышня Чжо не на шутку печется о тебе. Не думал взять ее в жены, когда станешь чуть взрослее?

— Тьфу-тьфу-тьфу, сдалась мне эта старая дева! — отмахнулся юноша. — Пусть и дальше ждет у моря погоды своего ненаглядного небожителя.

Чжао Сюэхань огляделся по сторонам:

— А где господин Вэнь?

Лицо Линь Цзюэ в одно мгновение помрачнело, словно грозовая туча.

— Откуда мне знать, — буркнул он и, резко развернувшись, ушел в дом.

Промаявшись остаток дня в поместье и перекусив приторными сладостями, Чжао Сюэхань дождался сумерек и безмятежно отошел ко сну.

Спал он чутко, но глубоко. Тем неожиданнее оказалось посреди ночи ощутить, как кто-то грубо

трясет его за плечо. Разомкнув веки, он обнаружил перед своей постелью бледную фигуру Линь Цзюэ.

Оглядевшись, Чжао Сюэхань заметил, что постель Янь Кэ пустует.

— Наконец-то очнулся, — прошептал Линь Цзюэ, и на его губах заиграла странная улыбка. — Пойдем, я покажу тебе кое-что любопытное.

— Погоди... — попытался вставить слово Чжао Сюэхань, но Линь Цзюэ с удивительной легкостью вздернул его прямо вместе с одеялом. Поразившись столь недюжинной силе хрупкого на вид юноши, гость спешно набросил на плечи верхнее платье.

Линь Цзюэ увлек его к воротам Поместья Линей и одним плавным, почти невесомым прыжком взлетел на высокую глинобитную стену. Опустившись на колени прямо на черепицу, он поманил Чжао Сюэханя рукой:

— Давай за мной.

Поколебавшись мгновение, Чжао Сюэхань полез следом.

Стоило его ногам коснуться гребня стены, как Линь Цзюэ бесцеремонно надавил ему на макушку, заставляя пригнуться. Ничего не понимая, Чжао Сюэхань притаился, гадая, какую каверзу задумал этот малый.

Указав на безмолвный переулок прямо перед воротами, Линь Цзюэ выдохнул прямо ему в ухо:

— Смотри в оба.

Чжао Сюэхань послушно устоял на безлюдную ночную улицу. Вымощенная серым камнем мостовая, редкие палые листья, кружащиеся в пыли, да тусклый, мертвенный свет вечно горящих фонарей — ничто не нарушало сонного покоя здешних мест.

Вскоре на углу показался силуэт. Одетый в простое платье простолюдина, путник неторопливо брел вдоль заборов, пошатываясь от усталости, и держал в руках медный гонг.

«Должно быть, ночной сторож», — рассудил про себя Чжао Сюэхань.

Мужчина миновал стену Поместья Линей и остановился у соседних ворот, принадлежавших Поместью Чжо. Лениво поковыряв в ухе свободным пальцем, он замахнулся колотушкой и ударил по бронзовому диску. Когда протяжный гул растаял в ночи, он ударил вновь, но тут же прижал ладонь к краю металла, обрывая дрожащую медь.

Занеся руку для третьего, завершающего удара, ночной сторож вдруг замер. Колотушка со стуком выпала из его безвольных пальцев.

В ту же секунду до обоняния Чжао Сюэханя докатилась удушливая волна гнилостного смрада. Кожа несчастного покрылась мерзкими иссиня-черными язвами, источающими гной, и в мгновение ока плоть начала лоскутами сползать с костей. Словно подкошенный, без единого звука сторож рухнул на брусчатку, его гонг с жалобным дребезжанием покатился по камням. Соприкасаясь с ночным воздухом, кровь и мясо чернели, стремительно разлагаясь. Живой человек прямо на глазах превратился в кучу зловонной жижи, сквозь которую белели оголенные ребра.

Чжао Сюэхань судорожно зажал рот ладонью — волна невыносимой трупной вони хлынула со стороны улицы, вызывая рвотные позывы. В ужасе обернувшись к Линь Цзюэ, он обнаружил, что тот пристально наблюдает за его реакцией.

— Не отворачивайся, — с загадочной улыбкой шепнул юноша, указывая пальцем на останки.

Гнилостное месиво полежало на камнях лишь несколько вздохов, а затем шевельнулось и медленно поползло вспять. Черная жижа начала стягиваться, густеть и обволакивать кости, которые сами собой укладывались в прежний скелет. Пятна тления исчезли без следа, удушливый запах развеялся без остатка. Спустя мгновение у порога поместья Чжо вновь стоял неведимый ночной сторож, будто никакой страшной метаморфозы и не бывало.

Он озадаченно почесал затылок, уставившись на валявшуюся в пыли колотушку, поднял ее, легонько звякнул в гонг и хрипло выкрикнул дежурное:

— Берегитесь огня в сухую пору!

И мирно побрел дальше в темноту.

Чжао Сюэхань почувствовал, как леденеет кровь в жилах. Пальцы одеревенели, едва удерживая скользкую черепицу. Липкий, первобытный ужас тисками сжал грудь, и стоило немалых усилий заставить себя не задрожать всем телом.

— Один долгий, два коротких. Третья стража, — донесся ледяной шепот Линь Цзюэ.

Чжао Сюэхань медленно повернул голову. Спутник стоял во весь рост на краю стены, глядя на него сверху вниз. Холодный лунный свет выхватывал острые очертания его лица, оставляя глаза в зловещей, непроглядной тени.

— Испугался? — Линь Цзюэ медленно растянул губы в улыбке. От этого жуткого оскала веяло могильным хладом, а в затихающем вдали звоне гонга Чжао Сюэханю почудился едва уловимый, но отчетливый запах гнили.

— Негоже быть столь боязливым... досточтимый Демонический владыка, — тихо обронил он.

<http://bllate.org/book/19675/2002870>